
Н.Е. Никонова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ: О КОРПУСЕ НЕМЕЦКИХ АВТОПЕРЕВОДОВ В.А. ЖУКОВСКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ¹

В статье представлена попытка комплексной атрибуции и системного осмысления максимально полного корпуса немецких автопереводов В.А. Жуковского. Привлекаются ранее не получившие должного внимания архивные источники, издания поэзии и прозы романтика, вышедшие в Германии в 1848–1852 гг. и оставшиеся малоизвестными для русского читателя. Исследуется характер восприятия немецких сочинений в кругу современников поэта.

Ключевые слова: автоперевод, В.А. Жуковский, русско-немецкий литературный билингвизм.

Литературный монолингвизм представляет собой феномен истории мировой художественной словесности, который являет себя, прежде всего, в эпоху нарастания державных настроений и выступает действенным средством моделирования «имперского воображаемого». Актуализация обратного вектора в развитии европейской культурной политики конца XX – начала XXI в. обусловила ориентацию на мультикультурность с последующей корректировкой на интер- и транскulturность, т.е. на необходимость диалога и, наконец, активного и продуктивного межкультурного взаимодействия.

Акцентуация транскulturных веяний в современности вызвала рост интереса к истории и типологии литературного полилингвизма и появление целого ряда соответствующих исследований в мировой гуманитаристике. Актуальной задачей сегодняшней славистики видится анализ литературного билингвизма русской классики, составление летописи произведений русской литературы на иностранных

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-04-50012) и гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6).

языках, рассмотрение особенностей индивидуальной манеры авторов, писавших на нескольких языках, а также введение в научный оборот иноязычных сегментов их наследия.

При этом тщательного изучения требуют автопереводы, как выполненные собственноручно литераторами, так и получившие авторизацию, т.е. созданные или опубликованные при непосредственном участии носителя иностранного языка. Степень этого участия не меняет статуса произведений, которые принадлежат наследию писателя, признанного классиком русской словесности. Так, хорошо известно, что первые английские сборники И. Бродского были составлены преимущественно из переводов авторизованных, выполненных англофонными поэтами-переводчиками, а над книгой «*To Urania*» (1988) работали профессиональные лингвисты [1. С. 10].

В истории русского литературного билингвизма и сегодня имеются серьезные пробелы, без восполнения которых ее системное изучение не представляется возможным. Прежде всего, введения в научный оборот ожидают десятки малоизвестных и неопубликованных источников. Пожалуй, самым значительным из таких пробелов является немецкоязычное наследие В.А. Жуковского, в транскультурной вселенной которого гармонично разместились различные языковые и литературные континуумы.

Жуковский владел французским и немецким, не критически выражаясь, в совершенстве, но в то же время сферы использования этих двух языков отличались: если французский был преимущественно языком письменного и устного общения с окружением, то немецкий долгое время оставался языком чтения, книг, языком оригинала для Жуковского-переводчика, а в итоге и языком, на который он переводил свои тексты. Прямо противоположными являются и векторы русско-немецкого и франко-русского перевода, что выразилось в преобладании автопереводов среди немецких текстов Жуковского, а также в феномене метаперевода (термин Е.Г. Эткинда), т.е. узнаваемости французского прообраза-субстрата в русских творениях поэта 1810-х гг., где «нередко появляются речевые обороты и синтаксические конструкции, образованные по канонам французского языка, в том числе и многочисленные кальки» [2. С. 19].

В плане хронологическом французский и немецкий континуумы художественного наследия Жуковского-поэта следуют друг за другом. Большинство оригинальных поэтических сочинений на французском языке относятся к 1810-м гг., принадлежат к области «лите-

ратурной домашности» и связаны с «кружком Жуковского – Плещеева “Académie des curieux impertinants”» («Академия нахально любопытных»). Немецкие автопереводы появляются в конце 1810-х гг., а свой взлет немецкоязычное творчество переживает в период жизни поэта в «Германии туманной», т.е. в 1840–1850-х гг. И хотя переписка, в том числе и с немцами, велась русским романтиком на протяжении всей жизни преимущественно на французском языке, относительная разделенность французского и немецкого периодов во времени все же является более важной для понимания эволюции Жуковского. Франко-русская диглоссия в его наследии обозначила этап продуктивного взаимодействия, когда иностранный язык играл ключевую роль в «становлении литературной нормы национального письменного языка», превратившись в «очевидную формально-содержательную категорию русского литературного процесса на его периферии» [2. С. 22]. Русско-немецкий литературный билингвизм ознаменовал новую ступень транскультурности, обусловив не только появление «немецкого Жуковского», но и возникновение и реализацию его замыслов, ставших событиями в русской литературе (например, перевод «Одиссеи»). Рождение Жуковского-мыслителя и публициста, до последнего времени мало известного русскому читателю и литературоведу, во многом происходило благодаря локализации в пространстве русско-немецкого межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Участие Жуковского в переводах своих сочинений на немецкий язык неоспоримо, поздние автопереводы были сделаны собственноручно, при этом носители языка выступали в роли консультантов. Так, о немецком варианте статьи «О происшествиих 1848 года» в письме к П.А. Плетневу читаем: «Эта статья вышла сама собою из-под пера в письме к фельдмаршалу. Я продиктовал ее потом по-немецки одному знающему русский язык; он подправил мою немечину по-своему, и вот что из этого вышло» [3. С. 660–661]. О 50-страничном издании «Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen» Жуковский пишет спустя менее двух месяцев: «Работа же, которой я был подчинен в последнее время, была прежде весьма длинное письмо, написанное по-русски; потом я сам перевел его на немецкий язык и теперь из него вышла немецкая брошюрка» [3. С. 667–669]. Свидетельство высочайшего уровня владения слогом находится и в известных письмах к переводчику собственных сочинений поэту А. Мальтицу по поводу не обнаруженного пока перево-

да статьи «Две сцены из «Фауста»», где Жуковским высказывается целый ряд справедливых поправок относительно вариантов передачи философом [4. С. 20]. Обогащения русского языка именно абстрактными понятиями подобного рода за счет заимствования их из немецкого ожидал от поэта К.А. Зедергольм, написавший «Просьбу русской словесности к ее поэту Жуковскому» («Bitte der russischen Sprache an ihren Dichter Shukowsky», 1829), в которой жена-словесность требует от своего супруга-стихотворца новых платьев-слов:

Denn mir fehlt, so reich ich bin, noch immer
Sehnsucht, Edel, Ernst, Gemüth und Staat,
Malen und Anbeten. – Soll ich nimmer [5. Л. 1об.].
 (Ведь мне все еще не хватает, как я ни богата,
Томления, благородства, серьезности, души и государства,
Рисования и моления. – Неужели у меня никогда
 Не будет того, что есть у немецкой сестры?)

Невозможно утверждать, что Жуковский прислушался к этим строкам, однако можно говорить с уверенностью о том, что подчеркнутые немцем «томление», «душа», «государственность», «благородство» и «страсть рисования» стали не просто образами поэзии романтика, но организовали его жизнетворчество 1830–1850-х гг. в целом.

Впервые некоторые немецкие тексты Жуковского, связанные с Веймаром и Гете, были опубликованы А. фон Шорн в 1904 [6. С. 277–298] и 1911 гг. [7. С. 146, 149, 192–197, 230, 337–338]. В это же время в отечественной филологии на актуальность проблемы «иноязычного» Жуковского указал В.М. Андерсон, собрав в своей статье, вышедшей в 1912 г. в «Русском библиофиле», библиографию прижизненных публикаций переводов его сочинений преимущественно на французский и немецкий. Примечательным является наблюдение автора о том, что «"переводимость" Жуковского значительно ниже, например, Пушкина и Гоголя, невзирая на широкие личные связи Жуковского с представителями «иноязычных» литератур» [8. С. 206].

Известно, что переводить с немецкого Жуковский начал еще в детстве (в первом же письме к матери он указывает на этот факт [9. Стб. 2363.]), его самые ранние из выявленных на сегодняшний день оригинальных художественных текстов на немецком написаны в 1827 г. [10. С. 126–127]. Атрибутировавший целый ряд немецких со-

чинений Жуковского Д. Герхардт считает, что в том же году создан и первый автоперевод, посвященный Гете [11. С. 125–129]. Однако первый из дошедших до нас немецких автопереводов был сделан по-этом за 9 (!) лет до этого.

Назначение учителем русской словесности при великой княгине Александре Федоровне вдохновило Жуковского-педагога и, прежде всего, поэта на методические эксперименты в области обучения русскому как иностранному, не только на блестящий перевод романсов, которые он услышал в Дерпте и выпустил в блестящем сборнике «Для немногих», но и на автоперевод собственных баллад на немецкий язык. Впервые об одном из этих текстов упомянула Л.Н. Киселева, справедливо посчитав русский пересказ баллады «Светлана» «примером достаточно бесплодных усилий» [12. С. 227] и незаслуженно «опустив» немецкий эквивалент. В результате внимательного изучения выяснилось, что в тетради с материалами для занятий с императрицей находятся немецкие автопереводы двух баллад – не только «Светланы», но и «Эоловой арфы» [13 Л. 3 об. – 4 об.] (соответствующие занятия должны были состояться 10 и 12 октября 1818 г.).

При этом немецкие автографы представляют собой оригинальные интерпретации сюжетов, не случайно выбранных Жуковским. «Светлана», воплотившая аутентичный русский мир и национальный женский характер, предстает для Александры Федоровны в сокращенном варианте. В немецком тексте передаются первые пять 14-тистиший с пропуском следующих трех и дальнейшим неполным воспроизведением еще двух строф, в результате чего история Светланы превращается в сюжет святочного гадания невесты, ее путешествия с женихом и финального испуга обоих суженых:

Немецкий автоперевод 1818 г.

Die Pferde vorbey; der Geliebte
s<ch>weigt
Blass und traurig.
Auf einmal Schneegesteuber umher;
Der Schnee fällt dick;
Ein schwarzer Rabe, pfeifen<d> mit
den Flügel... [13. Л. 3 об.].

Дословный (обратный) перевод

Кони умчались; милый молчит
Бледен и печален.
Вдруг снежная вьюга кругом;
Густо валит снег;
Черный ворон, взмахнув
крылами....

О зловещих предзнаменованиях и мертвецах в автопереводе речи не идет, готическим колоритом, появляющимся в последних строках с образом ворона, балладные ужасы исчерпываются. Такого

рода трансформация сюжета о невесте и ее возлюбленном вполне корреспондировала с биографическим контекстом ученицы, недавно обручившейся с великим князем. Идеалу образа «гения чистой красоты» посвящен и следующий автоперевод «Эоловой арфы», передающий десять начальных 8-стиший оригинала, а именно историю любви прекрасной Минваны и певца Арминия. Оканчивается немецкий текст строками: «Auf dem Hügel, wo der Bach floss in Klaren Wellen aus den Gesträuchen, unt(er) einer ästigen Eiche die junge Minwana saß allein, erwartend den Sänge(r) und verbeug(te) den Athem vor Angst» [13. Л. 4 об.], которые соответствуют оригинальному четверостишию: «Под дубом ветвистым – // Свидетелем тайных свиданья часов – // Минвана младая // Сидела одна, // Певца ожидая, // И в страхе таила дыханье она» [14. С. 321]. При этом второй стих Жуковский по понятным причинам предпочитает опустить, как и последующую трагическую часть баллады. В результате из-под пера молодого учителя словесности и «певца» выходит автобиографичное немецкое произведение, посвященное его «эзотерической любви» (Д. Герхардт) к великой княгине.

Таким образом, миссия учителя словесности стала для Жуковского не только поводом для создания своих лучших переводов немецкой поэзии, для изучения немецкой эстетики и критики [15. С. 495–497], прозаических творений [16], но послужила важным импульсом к переложению собственных сочинений на немецкий язык. Тетради и подготовительные конспекты для занятий 1818 г. в этом смысле выступают свидетельством настоящего поворота в творчестве поэта, открывая череду его будущих художественных экспериментов на ниве словесности.

Представляется интересной логика Жуковского-переводчика в работе с первой балладой, а именно движение от поэтического текста к прозаическому подстрочнику-пересказу, а от него к переводу на иностранный язык. Такая последовательность переводческих операций предшествовала появлению не только многих произведений немецкого Жуковского, но и русской «Одиссеи», т.е. работа при посредничестве подстрочника может считаться характерной чертой метода перевода русского романтика.

Первые опыты Жуковского-переводчика собственных текстов на немецкий интересны еще и тем, что фиксируют манеру автоперевода стихотворных произведений на иностранный язык, которой он останется верен до последних лет жизни и до последней, не оконченной

поэмы об Агасфере, в процессе работы над которой создавался и ее немецкий аналог (ср. из письма к Ю. Кернеру: «В настоящее время я успешно продвигаюсь, и в то же время я уже занимаюсь переводом на немецкий язык для Вас. <...> Перевод будет слово в слово, даже конструкция фраз, насколько это возможно, будет сохранена» [10. С. 233]). Необходимо заметить, что степень этой точности условна и не превращает текст в подстрочник, сохраняя не только его художественно-литературное качество, но отчасти и форму, а именно деление на строфы и стиховые строки.

Переехав в Германию, поэт стал прибегать к помощи близких и друзей, для которых немецкий был родным языком, однако даже при этом жанровая поэтика его иноязычных текстов осталась неизменной, что среди прочего свидетельствует об авторстве самого Жуковского в отношении записанных рукой его супруги немецких автопереводов, выполненных для поэтического сборника «Ostergabe» (1850). В данном случае изобретение «гения перевода» вновь оказалось пророческим: Жуковский избрал такую поэтическую форму переноса инонационального стихотворного наследия с русского на немецкий, которая успешно практикуется вплоть до сегодняшнего дня. Д. Герхардт определяет данный тип текста как «своего рода прозаическое переложение поэтического слога, которое в наше время по праву является предпочтительным способом самого деликатного введения в поэтический текст на иностранном языке» [11. С. 127]. Замечание ученого относится к первому такому произведению, предназначенному для обнародования. Речь идет о посвящении «Dem guten großen Manne», которое было создано в 1827 г. и обращено не просто к компетентному адресату, но самому Гете.

Известны две линии восприятия этого сочинения: одна из них находится в наследии веймарского канцлера Ф. фон Мюллера, вторая принадлежит непосредственно адресату, «доброму, великому мужу». Общеизвестным в жуковсковедении является совет «обратиться к объекту», данный Гете Жуковскому в связи с его произведением. Однако заслуживает комментария факт, важный для понимания рецептивной стратегии веймарцев. Немецкий автоперевод Жуковского они воспринимали в комплексе с поэтическим посвящением Веймару короля Баварии Людвига I «Nachruf an Weimar. Am 31. August 1827», преподнесенным Гете канцлером в одно время с сочинением русского поэта. Известный отзыв немецкого гения касается обоих текстов и выражает эстетическую позицию Гете, при

этом значимо то, что он помещает Жуковского в контекст магистрального в немецкой поэзии художественного метода, того рода романтизма, который был перенесен на почву русской словесности его стараниями. Кроме того, в рецептивном дискурсе Гете обнаруживается еще одно сходжение: в целом верно прочитывая философию воспоминания и элегическую тональность сочинения русского поэта, он соотносит его с мыслью, высказанной автором другого хвалебного гимна в его честь, писателем-романтиком графом О.Г. фон Лебеном. Итак, со слов канцлера Мюллера, в полной форме суждение Гете об этих произведениях выглядит следующим образом:

Стихотворение короля показалось Гете слишком субъективным; так трагично представлять прошлое, вместо того чтобы просто признать настоящее и им наслаждаться, и уничтожать его, а не воспевать – это совсем не поэтично. Скорее должно представлять прошлое так, как в «Римских элегиях».

Граф Лебен как-то раз пел для него по случаю дня рождения (Теплиц, 1810), что по-настоящему достойная хвала ему будет лишь после смерти. Лишь оттого, что люди не умеют ценить настоящее, жить им, они всегда так тосковали по лучшему будущему, кокетничали с прошлым. Вот и Жуковскому следовало бы больше обратиться к объекту [17. С. 163]².

Таким образом, в целом немецкий автоперевод стихотворения «К Гете» получил достойную оценку из уст гения немецкой литературы, учитывая то, что он воспринял посвящение в комплексе с другими произведениями соотечественников и использовал в своем суждении для выражения философско-эстетической позиции.

С точки зрения Мюллера, оценка Гете была недостаточно высокой именно в отношении послания русского поэта: «Слишком холодно, по моему мнению, он принял чудесное стихотворение Жуковского» [17. С. 163]. Сам канцлер симпатизировал чувствительным, восторженным настроениям романтизма. Прежде всего, он велел напечатать автоперевод в типографии, рекомендовал его автору поэтического посвящения Веймару королю Баварии Людвигу I как «перевод, определенно достойный того, чтобы быть представленным Вашему Величеству» и цитировал его в кругу веймарских гетеанцев спустя годы. В письме к Жуковскому 28 апреля 1828 г. он писал: «Ваши восхитительные, елейные прощальные строки к Гете

² Перевод с немецкого в статье выполнен нами. – Н.Н.

очень порадовали его, доставили истинное удовольствие. Он часто вспоминает о Вас с искренней преданностью и почтением, спрашивает меня об известиях от Вас и бранит за их отсутствие» [17. С. 352]. Здесь же Мюллер сообщает о поэтическом отклике Гете на стихотворное посвящение Веймару, созданное королем Баварии, что еще раз подчеркивает признание автоперевода и его автора в кругу веймарских гетеанцев.

В следующем году Жуковский послал канцлеру очередной автоперевод в связи с кончиной великой княгини Марии Федоровны. «Die Erscheinung» значительно отличался от русского оригинала «Видения». Посвящение императрице не имело широкого резонанса, известен отзыв впервые опубликовавшей текст перевода А. фон Шорн, свидетельствующий о том, что текст звучал органично на языке перевода: мемуаристка считает «Die Erscheinung» «одним из немногих стихотворений, которые собственноручно переведены на немецкий язык или изначально написаны по-немецки» [7. С. 280]. Наконец, заключают веймарскую гетеану Жуковского два автоперевода (пястистишие «Gott schütz' den Kayser!» (фрагмент из «Боже, царя храни!») и четверостишие «Von den Geliebten, die für uns die Welt» («Воспоминание»), не предназначавшиеся к публикации и записанные в альбоме канцлера в 1838 г. во время первого визита после кончины Гете.

Таким образом в веймарском контексте Жуковский еще раз запечатлел себя как поэта, верного и приближенного к престолу, этот статус придворного стихотворца во многом определил и появление в Веймаре не только гения Гете, прибывшего на зов Анны-Амалии, но также Виланда, Шиллера и других знаковых фигур. Отрывок из всемирно известной «народной песни», подписанный именем Жуковского, должен был позиционировать автора записей как правомочного носителя представительской функции, уполномоченного российским престолом. Этот элемент саморепрезентации в немецких автопереводах и сочинениях Жуковского, не связанных с любовно-мистической темой, является неотъемлемой составляющей, неизменно проявляющейся так или иначе в самом произведении или его подтексте.

Следующий этап работы над немецкими автопереводами связан с переселением в Германию и женитьбой на Э. фон Рейтерн, которой они во многом обязаны своим появлением. Первый из них, автоперевод стихотворения «О, молю тебя, Создатель...», он же обратный

перевод произведения Н. Ленау «Stumme Liebe», выполненный собственноручно в 1843 г. и посвященный юной супруге, также не предназначался для публикации и был введен в научный оборот И. Веницким. Исследователь полагает, что «немецкий автоперевод не только выполнял вспомогательную функцию для адресата, но и подчеркивал дистанцию между стихотворением Жуковского и оригиналом» Ленау [18. С. 416].

Немецкий текст по праву может считаться не только «объяснением поэта в любви» на родном для возлюбленной немецком, но и заявлением нового воплощения собственного (жизне)творчества – на другом языке, в другой стране, в ином образе. Опубликованный впервые в 2011 г. автограф содержит два текста-дублета, при этом за русским оригиналом следует перевод, будто фиксируя символичность этого перехода. «Liebe mein Schöpfer» написано тем же слогом, что и предыдущие автопереводы, т.е. без рифмы, но с делением на стиховые строки, каждая из которых начинается с заглавной буквы. Стихотворение и автоперевод предназначались для передачи генералу И. фон Радовицу, с которым, по предположению Веницкого, поэт беседовал о своем решении жениться и мог передать ему, как известному собирателю рукописей, этот манускрипт, что тоже символично, поскольку именно Радовиц станет героем самого крупного автоперевода Жуковского, опубликованного в Германии спустя почти семь лет после этого вечера.

Транскультурная вселенная Жуковского разворачивается в его финальном поэтическом сборнике, представляющем квинтэссенцию художественного наследия и вышедшем на немецком языке в 1850 г. [19]. К 1849 г. вместе с супругой он подготовил цикл произведений для дальнейшего стихотворного переложения, которое было осуществлено при участии генерала Крига фон Хохфельдена. На просьбу Жуковского предоставить ему авторское право на переиздание «Сказки об Иване царевиче и сером волке» в 1852 г., Криг писал: «Что касается “G<raue> Wolf”, то это Ваша собственность, как и весь сборник “Ostergabe”. Я уже имел честь просить Вас делать с ним все, что Вы считаете нужным. Я не могу требовать права на авторство перевода, так как Мадам Жуковский уже позаботилась о том, чтобы его написать, а Вы позаботились о том, чтобы придать ему блеск» [10. С. 229–230].

Шесть произведений Жуковского: «Des Dichters Beruf (Fragment)» (из драмы «Камознс»); «Sonntagsfrühe» («Воскресное

утро в деревне»); «An die See» («Море»); «Zwei Mondschein-Gemälde (Fragmente)» («Два отчета о луне (отрывки)»); «Widmung der Übersetzung des Gedichtes “Nal und Damajanti” an die Großfürstin Alexandra Nikolajewna 1841» («Посвящение к “Налю и Дамаянти” великой княгине Александре Николаевне, 1841») и «Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf» («Сказка о Иване Царевиче и сером Волке») – вышли под заглавием «Пасхальный подарок к 1850 году», вписавшись в одно из магистральных направлений немецкой календарной литературы, преимущественно религиозно-назидательного характера.

Пасхальный дискурс получил особую популярность во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. благодаря взлету в сфере такого рода словесности. Так, в 1845–1852 гг. из печати было выпущено не менее 8 изданий под тем же заглавием, что и книга стихотворений русского поэта, половина из них в 1849–1850 г. [С. 20–22]. Большинство текстов, включенных в «Пасхальные подарки», по своему содержанию связаны с духовным бидермайером. Поэзия Жуковского в этой тематической серии была представлена участвовавшим в создании конечной редакции автопереводов генералом Кригом. В предисловии он писал: «<...> настоящий перевод есть плод совместных вечеров» Жуковского и «одного из его немецких друзей», который «ни слова не понимает по-русски», и предназначен он «только для узкого круга друзей, ни в коем случае не для широкой публики» [19. С. 5]. По мнению генерала, «из переведенных стихотворений в пояснении нуждалась только сказка», герои которой (Жар-птица, Баба-яга, Кощей Бессмертный, Иван и Волк), взятые из народных сказаний, должны были навести компетентных немецких читателей на размышления об аналогиях этих образов в собственном культурно-национальном наследии.

Иных отзывов об этом сборнике «для немногих» пока не обнаружено, однако свидетельством его признания можно считать решение Ю. Кернера выпустить «Сказку» повторно отдельным изданием. Кернер, по его словам, был «очарован этой прелестной» сказкой, интересным показалось ему включение в историю об Иване и Волке фигур Бабы-яги и Кощея Бессмертного: «Это соединение особенно удачно, и если для нас, немцев, найдется в этой истории что-то знакомое, то мы найдем удовольствие и в таком ее изложении, подетски наивном, богатом свежими оттенками. Собственное очень удачное добавление поэта составляет описание свадебного торжест-

ва. По юмору и живописной силе, как и по композиции в целом, обработка этой сказки может вполне соперничать с лучшими обработками подобных народных преданий» [23. С. 3].

Свой комментарий Кернер продолжил поэтическим обращением «К читателям этой сказки», в котором представил ее как «северное творение, // пронизанное светом и цветом настолько, // что это священное дитя кажется рожденным самым северным сиянием» [23. С. 5]. Мотив детской наивности в третий раз возникает в кратком предисловии издателя в связи с характером самого Жуковского (его «нестареющего детского сердца»), выступая своего рода отличительной чертой, как и гиперболизированная принадлежность к холодному северу, на первый взгляд не сочетающаяся с искренней теплотой изложения. Детскостью Кернеру, скорее всего, могли показаться не свойственные, к примеру, результатам штудий братьев Grimm и их сказкам со зловещим концом доброты, красочность и радостное настроение русских сказок, в том числе и обработок, о которых он мог судить по творению Жуковского.

Таким образом, в год своей кончины поэт приобрел свое первое немецкое издание для широкой публики, книгу «*Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf*», изданную в Штуттгарте и получившую известность в Германии (в личной библиотеке братьев Grimm находится один из ее экземпляров). В России о ней, судя по дошедшим до нас материалам, было практически не известно, т.е. в данном случае мы действительно можем говорить о различии субъективации Жуковского-автора русской сказки и ее автоперевода.

Одним из последних поэтических стал автоперевод, созданный поэтом собственноручно в 1850 г. и оставшийся на страницах его записных книжек. Автоперевод баллады «Узник», замысел которого родился, очевидно, не без влияния жизнетворческого контекста 1850-х гг., выполнен в той же «дословной» манере, содержит минимальное количество поправок и зачеркиваний, сохраняет часть выразительных средств, воплощенную с их помощью ритмическую структуру и строфику, принципиально важную для баллад [24]. Неперебеленный автограф в контексте пометки «перевод Узника копировать» позволяет говорить о целенаправленных поисках Жуковского-переводчика собственных программных произведений, наполнявшего их сюжеты новым автобиографическим и эстетическим содержанием.

Однако ни один из немецких стихотворных автопереводов и их изданий 1850 и 1852 гг. не получил такого заметного отклика, как философско-политическая проза Жуковского. Как минимум три публицистических сочинения были созданы в ответ на события в политической жизни в Европе 1848–1850 гг. на двух языках и анонимно изданы в Германии: «Vom Main, den 27. August 1848» (перевод статьи «О происшествиях 1848 года») [25]; «Englische und russische Politik» (эквивалент заметки «Русская и английская политика», 1850) [26. С. 1466–1468]; «Joseph von Radowitz» (вариант очерка «Иосиф фон Радовиц», 1850) [27]. Немецкая брошюра об И. фон Радовице вызвала наибольший резонанс в окружении Жуковского, поскольку в ней заключалась квинтэссенция его воззрений на русско-европейские контакты, политику, историю и современность России и Европы. Среди авторов обнаруженных нами отзывов А.П. Елагина, И.В. Киреевский, Н.И. Тургенев; со стороны друзей в Германии высказались К.А. Фарнгаген фон Энзе и король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV; художник А. Кестнер, ученый Ф. фон Фогель, наконец, сам герой очерка И. фон Радовиц.

Русская рецепция заметно отличается от зарубежной: если немецкие друзья поэта в целом понимают сочинение Жуковского в русле публицистических споров о судьбах послереволюционной Германии, то русские оппоненты не всегда соглашались принять то содержание, которое актуализировал автор «письма одного не немца на Родину». В действительности подзаголовок «Brief eines Nicht-deutschen in die Heimat» парадоксальным образом не означает читательского адреса, но является скорее эстетически концептуальным, выражая поэтику диалога, в данном случае диалога культур, или маргинального положения позднего Жуковского между культурами и в то же время вне их.

Об этом свидетельствует предыстория появления брошюры на немецком языке, текст которой в начальном варианте был направлен в письме императору Александру Николаевичу (его отзыв, к сожалению, неизвестен), а также П.А. Плетневу для помещения в задуманный том прозы, но не получил разрешения от цензурного комитета, хотя, по указанию последнего, все цензоры были «испуганы высокостью истин, каких не видывали в нашей литературе» [3. С. 661]. В результате Жуковский выпустил в виде брошюры немецкий перевод очерка, самого крупного из своих прозаических сочинений последних лет, системно излагавшего любимые мысли, которые

тот же Плетнев обозначил как «политические» и «задевающие часто теологию», а потому неприемлемые для российской печати. Таким образом, немаловажным поводом для автоперевода стали официальный отказ со стороны русской словесности принять новую ипостась Жуковского-литератора, невозможность представить в контексте наследия «Коломба русского романтизма» духовно-назидательные сочинения, раскрывающие острые политические и духовные проблемы современности. В действительности же в публицистическом цикле Жуковский по-прежнему выступал «дядькой чертей и ведьм немецких и английских», однако художественный метод их представления значительно эволюционировал, как и сам герой, и в роли новых персонажей времени выступили реальные фигуры – лорд Пальмерстон, генерал Радовиц, граф фон Шак.

В сущности, большинство отзывов соотечественников наряду с одобрительными словами содержат критические высказывания по поводу уместности появления подобного рода произведений в наследии поэта и целесообразности их обнародования по причине невозможности достичь эффекта, повлиять на читателя, произвести какую-либо перемену. Скепсис и отказ от глубокого понимания публицистических размышлений слышен в отклике И.В. Киреевского, написавшего поэту, что «брошюра и письмо к Вяземскому, как ни прекрасно написаны, как ни хвалились в журналах, но верно написались бы не так, если бы вы были здесь, и потому того действия, которое должно иметь ваше слово на Русских читателей, они произвести не могли» [28. С. 598–599].

Пожалуй, особенно чутко прочла духовно-религиозный пафос брошюры, созвучной контексту немецкого духовного бидермайера, А.П. Елагина, уловив в нем мистическое настроение былой юности и дорогой поэту образ Марии Протасовой, способной понять письмо Жуковского и его нового романтического героя-рыцаря: «Благодарю вас, милая душа моя, за вашу сердцекрепительную брошюрку. Я понимаю потребность вашей дружбы, но по самой защите вашей вижу, что Радовиц не имеет нужды в защите. Какое счастье ему быть таким образом ненавидимому, оклеветану! Несть раб божий Господа своего аще мене изгнаша и вас изжинут. Не всякому достается в наше время страдать за правду, и счастлив, счастлив тот, кто мог выдержать это прекрасное страданье. <...> В 1803-м году, когда мы были дети, Маша благословила меня образом Усеченной Главы Предтечи, потому что та всегда поднимала душу и жизнь этого Святого, исчез-

нувшего в любви и благоговении перед Грядущим Спасителем; и – смерть его за Правду. – Кажется, готова бы я была послать Радовицу этот образ» [29. С. 627–628]. При этом политические и имагологические мотивы очерка Елагиной никак не затрагиваются, что соответствует центральным концептам того пространства, которое представляла собой многолетняя переписка поэта и его воспитанницы.

Немецкие друзья Жуковского, многие годы знавшие его лично как наставника наследника российского престола, но не имевшие полного представления о его художественном методе и о том влиянии, которое его поэзия имела на русскую литературу, извлекли из сочинения о Радовице резонансные политические идеи приверженца консервативного лагеря разделенных германских земель. Сам герой очерка, прусский генерал, ученый и политик И. фон Радовиц, отнесся к труду Жуковского благосклонно, обнаружив в нем опровержение множеству критических политических статей в свой адрес и рассматривая брошюру как характерное для послереволюционного времени явление в пространстве немецкой публицистики. Его отклик известен из послания поэта к великому князю Александру Николаевичу. «Когда я послал ему свою печатную брошюру, – писал Жуковский, – он отвечал мне: “То, что ты написал, не переменит общего мнения. Я благодарю тебя только за то, что подобное обо мне свидетельство останется в руках сыновей моих”» [30. С. 364].

Сторонник противоположного лагеря, автор положительного отзыва на перевод «Одиссеи» и статьи о месте Жуковского в русской литературе, политически ангажированный приверженец либеральных взглядов К.А. Фарнгаген фон Энзе записал в своем дневнике, прочитав автоперевод статьи о Радовице: «Авторство хвалебной брошюры в честь Радовица, вышедшей в Бадене, принадлежит русскому, Жуковскому, как я только сегодня выяснил; адрес на конверте надписан его непоставленным почерком, я не понимаю, как я его сразу не узнал. Брошюра автора, который не разбирается ни в людях, ни в политических вещах, не имеет значения» [31. С. 314]. Фарнгаген не написал Жуковскому напрямую, но его реакция показательна, поскольку выражает то самое «общее мнение» большинства, о котором говорил Радовиц.

Из далекого Рима Жуковский получил как минимум два отзыва. Один из видных представителей немецкой диаспоры в Риме генерал и ученый-изобретатель Фриц фон Фогель одобрительно отнесся к брошюре Жуковского, в которой увидел действенное орудие поли-

тической борьбы вне Германии. 16 июля. 1851 г. он писал: «Мы с женой рады благодарить Вас за то, что Вы так искусно изобразили Вашего друга, которого я с давних пор высоко ценю и глубоко уважаю – я использую Вашу книжку и содержащиеся в ней доводы, рассказывая о ф<он> Р<адовице> своим друзьям; а один из них искренне считает ее добрым оружием в отношении своих противников и находит в ней ободрение» [10. С. 261]. В том же ключе воспринял очерк Жуковского еще один известный римский житель, живописец и коллекционер А. Кестнер, однако, он предпочел не занимать твердой политической позиции и остаться вне контекста современных общественных потрясений, ограничившись любезной похвалой: «Вашей “Одиссеей”, Вашим Радовицем я восхищаюсь все больше и больше, чем я отваживаюсь сказать, потому как совершенно чужд происходящему в современному миру. Эта наука слишком трудна для моих способностей, но я все менее стыжусь того, что я ограничиваюсь тем миром, в который я охотно приглашаю друзей в любимые места, чтобы отдохнуть от усталости, в которую повергает дикая суэта наших дней» [10. С. 261].

Жуковский получал слова признательности от знаменитых, но далеких от литературы немцев, с которыми даже не был знаком лично, но которые видели в его очерке важнейший жест по восстановлению справедливости в отношении оклеветанного политическими противниками Радовица и считали своим долгом поблагодарить его. Так, известный немецкий архитектор Г. Хюбш писал: «Своей превосходной биографией Вы воздвигли прекрасный памятник благодарному человеку» [10. С. 262].

Самый подробный, глубокий и восторженный отклик пришел от Фридриха-Вильгельма, политическую линию которого и пытался воплощать Радовиц, подвергшийся за это нападкам. Прусский монарх писал Жуковскому: «Вы не можете себе представить, какое впечатление произвела на меня эта брошюра. И сила ее в данном случае вовсе не в обычных качествах Вашего пера – искренности, убедительности и справедливости – все это тут играет какую-то побочную роль. Вы остались верным заповеди Апостольской о необходимости быть глашатаем истины, невзирая на окружающие условия. <...> Словом, Ваша брошюра о Радовице привела меня в восхищение. В конце каждой фразы я прибавлял: “аминь”» [4. С. 189].

Король воспринял не только духовно-религиозные и политические мотивы очерка, но и скрытую магистральную авторскую ин-

тенцию, связанную с историософией Жуковского, радением за судьбу России в современности и вне ее, с сохранением аутентичных ценностей национальной культуры, к которой он принадлежал по рождению. Романтический персонаж добродетельного мученика и праведника Радовица, противостоящего всему западному миру и им оклеветанного, послужил Жуковскому тем «огнивом», в котором он всегда нуждался и использовал, по собственному признанию, чтобы создать с его помощью нечто «свое». Этот уровень многослойного дискурса Фридрих-Вильгельм IV, на стражу идей которого встал Жуковский в своей брошюре, адекватно отразил в обращении к нему наставлении, интересном с точки зрения понимания взаимоотношений поэта и престола. Подобно Гете, король рекомендовал ему «обратиться к объекту», но уже не только в сфере литературы. Так, он написал, что Жуковский излишне «сторонится доверия, оказываемого <...> Августейшим Монархом, и избегает случая прославить Государя, Россию и себя самого», настаивая на деятельном политическом ангажементе: «<...> будучи, например, во главе министерства духовных дел, Вы сделали бы гораздо больше, чем Шишков и его преемники. В качестве министра народного просвещения, Вы поступали бы иначе, чем Уваров» [4. С. 189].

Наконец, не менее интересный и, пожалуй, самый резонансный по характеру пафоса, полемической направленности мысли отзыв на сочинения в прозе был получен Жуковским из Франции от Н.И. Тургенева, автора вышедшей тремя годами ранее книги о России и русских, так же не имеющего возможности вернуться на Родину и пророчествующего о ее судьбе из-за рубежа. Отправляя ему брошюру, поэт писал о своем несогласии с его взглядами, изложенными в вышедшей одновременно в нескольких европейских странах книге «La Russie et les Russes» (1847). В ответ он получил от Тургенева подробное послание, в котором высказывалась справедливая мысль о парадоксальном соответствии их взглядов, выразившихся во французском издании и немецких очерках: «Вы выступили, как я вижу по брошюрке о Радовице и по листку “Briefe an die Heimat”, из тесных пределов литературы. Но вообще, читая сей листок, я думал, невольно желал, чтобы Вы продолжали экскурсию в эти темные поля русских бедствий, русского рабства, где есть много простора развернуться движениям гениального поэта! Мнения, в которых, как вы говорите, мы несогласны, и вообще все мои помышления сосредоточиваются в сем вопросе, и равным образом все мои желания клонятся к тому же» [32. С. 226].

И все же Тургенев считает, что этот «выход за пределы» не сочетается с образом Жуковского, сложившимся в его представлении в далекие дни на Родине в кругу братьев: «Беспрестанно думая о моих незабвенных (и для меня как бы святых) братьях, я всегда ставлю вас мысленно подле них... Тот ли вы теперь, каковым я знал вас тогда, во время оно, – я не знаю, т.е. не знаю: тот ли вы совершенно. Многое, во всяком случае, конечно, сохранилось. Но атмосфера, в которой вы жили, на вас подействовала. Это я вижу из “Briefe an die Heimat”» [32. С. 226].

В заключительных строках своего письма Тургенев обращается все же к Жуковскому-поэту, видя в его образе отражение собственных убеждений:

Мнение общее... всегда, правду сказать, напрасно; но голос индивидуумов остается в молчании. Я не знаю, как и что может в таких случаях сказать поэт. Но поэт истинный живет вдохновением: оно всегда может внушить ему и чувство и слово.

Вот одно из тех мнений, в коих, как вы думаете, мы несогласны. Я думаю, что мы более согласны, нежели сколько можно судить по наружности. И причина та, что мои мнения не суть что-либо иное, как чувства. Все остальное – форма; существенное живет в чувстве» [32. С. 226].

Таким образом, поздние прозаические автопереводы Жуковского, обратившегося к иному языку для обнародования тех своих размышлений, которые были вполне сопоставимы по масштабу с создававшимися параллельно лироэпическими полотнами «Одиссеи» и «Илиады», нашли самый живой отклик как в русском, так и в европейском мире. Поэтические автопереводы, более крупные по своему совокупному объему, не нашли подобного отклика. В целом же характер этого восприятия не был исключительно однозначным, в особенности среди тех, в чьем сознании автор навсегда остался «первым русским романтиком». Христианская философия и историософия Жуковского остались в тени самого факта публичного выступления, связанного с реалиями настоящего. Однако нельзя сказать, что автопереводы не достигли коммуникативной цели, каждый из читателей увидел через посредство текста нового Жуковского и нашел в самом сочинении смыслы, близкие собственным политическим, литературным, личностным убеждениям.

В корпусе немецких автопереводов прослеживаются некоторые закономерности и тенденции творческой эволюции их автора. Во-первых, практически во всех блоках этого автопереводного наследия – в созданном для великой княгини Александры Федоровны, для Гете и гетеанцев, как для широкого круга немецких читателей, так и для «немногих» русскоязычных за границей и друзей в России – улавливается соединение двух сторон в самопозиционировании автора: поэт соединяется с придворным, наставником царской фамилии, размышляющим о судьбах Отчизны и Запада. Переход Жуковского с русского на немецкий не связан с кардинальным изменением способа субъективации, но видится предсказуемым шагом на пути приближения к немецкому миру.

Во-вторых, как и в русскоязычном наследии, в комплексе автопереводов отделяются друг от друга тексты поэтические и появившаяся лишь в последние годы творчества проза. В хронологическом отношении поэтические самопереводы, обнаруженные на сегодняшний день, репрезентируя жизнетворческую основу, начинаются и завершаются опытами в жанре баллады – от «Светланы» и «Эоловой арфы» 1818 г. до «Узника» 1852 г. – и обнаруживают творческое кредо Жуковского. Если же говорить об опубликованных стихотворениях, в частности о сборнике «Пасхальный подарок», то они представляют собой результат сознательного репрезентативного отбора фрагментов поэтического наследия с вполне отчетливой ориентацией на итоговое самопозиционирование. Иной способ субъективации характерен для последнего издания, осуществленного Ю. Кернером, куда вошла лишь «Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке», которая должна была восприниматься как полноценное высказывание, адресованное немецкому читателю, заинтересованному в познании традиций инонациональной словесности. Автопереводная проза Жуковского по охвату поставленных проблем имеет эпический характер, при этом субстанциальные вопросы о вере, мире и человеке разворачиваются посредством актуального историко-культурного контекста и получают соответствующий отклик со стороны современников.

Представленный корпус автопереводов неотделим от немецких сочинений Жуковского, русские дубликаты к которым пока не обнаружены или отсутствуют. Среди таких текстов преобладают стихотворные послания: «Und trennen uns gleich Meer und Land»

(А.А. Протасовой, 1827), «Voller Keim blüh auf» и «Du gefällst mir so wohl mein liebes Kind» (внукам Гете, 5–6 сентября 1827), «Olga, drei Genien hat der Schöpfer, dem Menschen gegeben», «Bete darum zu dem Herrn» (О. Бобринской, 11/23 июля 1847), «Missgekannt auf Erden», «Wer Dich mit Steinen wirft, nun dem verzeihe Du» (И. Радовицу, 1850). Обращение к иностранному языку в данных произведениях связано с теми же коммуникативными поводами жизнетворчества романтика: первым визитом в Германию, знакомством с И.В. Гете, переселением в немецкий мир. Первые три коротких текста принадлежат к высокому жанру дружеских посланий, остальные – значительно большие по объему – с уверенностью можно отнести к духовной поэзии.

Центральным в немецкой поэзии Жуковского становится женский образ, как в его художественном воплощении в тексте, так и в действительной реализации в биографическом контексте. Образы Светланы и Минваны эволюционируют в возвышенно теологические лики Ангела и Мадонны, а большинство адресатов этих творений составляют самые дорогие ученицы и воспитанницы поэта – сестра Маши А.А. Протасова-Воейкова, великая княгиня Александра Федоровна, племянница графини Самойловой О. Бобринская, супруга Е. фон Рейтерн, великая княжна Александра Николаевна. Это позволяет сделать вывод об особом статусе, или особой функционально-смысловой сфере употребления немецкого языка в поэтической коммуникации Жуковского, способной адекватно выразить субстанциальные религиозно-философские концепты его духовного романтизма, а также «эзотерическую любовь» как модель жизнетворчества.

Системное исследование иноязычного наследия «Коломба русского романтизма» позволяет подтвердить актуальный сегодня тезис о необходимости аспациального рассмотрения взаимодействия национальных языков и культур. Немецкий романтизм как парадигма филологического мышления инициировал литературный монолингвизм, провозгласив ценностный приоритет национального (Гердер), и стратегия позиционирования Жуковского на ниве иной словесности не стала исключением. Красной нитью сквозь его сочинения на иностранном языке проходит неявное обозначение собственной принадлежности к русской национальной культуре, к русскому двору, непосредственного участия в устройстве русского самодержавия, которое, впрочем, было неотделимо от немецких монархий. Романтическое художественное сознание Жуковского воплотило макси-

мальную долю универсализма (читай транскультурности), т.е. признание и трансляцию субстанциональных максим, именно в пространстве русско-немецкого межкультурного диалога. Подобные случаи литературного билингвизма следует рассматривать вне бинарной модели, тогда автоперевод будет обнаруживать определенную степень дивергентности, независимости от оригинала и, скорее, завершать его, дополняя новыми гранями наше представление о поэте и его эпохе.

Немецкие автопереводы и сочинения Жуковского составляют важнейший пласт русской литературы, системное введение которого в оборот позволит значительно углубить знание ее истории. Адресованное отечественному читателю их издание, запланированное на 2017 г., станет одной из первых реализаций актуальных для словесной культуры транскультурных тенденций. Прецедентные эдиционные проекты нового времени до настоящего дня имеют свою короткую историю в западной русистике: свое начало она берет, пожалуй, с собрания русской литературы на французском языке, выпущенного Ю.М. Лотманом и Розенцвейгом в Австрии в 1994 г. [33], и продолжается в современности такими изданиями, как выпущенный Ф.Ф. Ингольдом в 2012 г. в Германии том русской лирики от 2000 до 1800 г. [34], включивший в себя французские стихи М.И. Цветаевой, русскую поэзию Р.М. Рильке и некоторые английские произведения В.В. Набокова и И. Бродского.

Литература

1. Волгина А.С. Автопереводы Иосифа Бродского и их восприятие в США и Великобритании 1972–2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
2. Вяткина И.А. Диглоссия русских маргинальных жанров (домашняя поэзия и эпистолярный В.А. Жуковского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.
3. Сочинения и переписка П.А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3.
4. Русский библиофил. 1912. Ноябрь. – дек. С. 20.
5. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 234.
6. Schorn A. von. Briefe des Kanzlers Friedrich von Mueller an Wassily Andrejewitsch Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Bd. 120.
7. Schorn A. von. Das nachklassische Weimar. Weimar, 1911.
8. Андерсон В.М. «Иноязычный» Жуковский // Русский библиофил. 1912. № 7–8.
9. Русский архив. Историко-литературный сборник. 1872. Вып. 9–12.
10. Никонova Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015.
11. Gerhardt D. Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs. Gorski vijenac. A Garland of essays offered to Prof. E.M. Hill // Publications of the Modern Humanities Research Ass. Leeds, 1970. Vol. 2.

12. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3: материалы междунар. конф., посвящ. 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004.
13. Жуковский В.А. Тетрадь с текстами для переводов. Составлена для занятий с вел. кн. Александрой Федоровной // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 96.
14. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2008. Т. 3.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 12.
16. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2016. Т. 11, кн. 1.
17. *Unterhaltungen mit Goethe: kritische Ausgabe.* Hrsg. von E. Grumach. Weimar: Böhlau, 1956.
18. Вулицкий И. «Немая любовь» Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2 ч. Тарту, 2011.
19. *Ostergabe für das Jahr 1850.* Sechs Dichtungen Joukowsky's von einem seiner deutschen Freunde für die andern übersetzt. Karlsruhe, 1850.
20. *Bremer Fredrika.* <Eine> Ostergabe. Leipzig [u.a.]: Verl. Comptoir, 1850.
21. *Göschel Carl Friedrich.* Zur Lehre von den letzten Dingen eine Ostergabe. Berlin: Brandis, 1850.
22. <Der> Herr ist wahrhaftig auferstanden! Eine Ostergabe Rüling. Dresden: Naumann, [circa 1850].
23. *Žukovskij V.A.* <Das> Märchen von Ivan Zarewitsch und dem grauen Wolf. Stuttgart, 1852.
24. Никонова Н.Е., Ковалев П.А., Крупницкая Д.Е. Три «Узника» В.А. Жуковского: о стратегиях поэтического автоперевода // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 2 (34). С. 138–153.
25. <Zhukovskij V.A.> Vom Main, den 27. August 1848 // Beilage zu № 52 der Neuen Preußischen Zeitung. Mittwoch, den 30. August 1848.
26. <Zhukovskij V.A.> Englische und russische Politik // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1850. № 92.
27. <Zhukovskij V.A.> Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Karlsruhe: W. Kasper'sche Buchdruckerei, 1850. 50 s.
28. *Русский архив.* 1909. № 4.
29. *Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной.* 1813-1852 / Сост., подгот. текста и коммент. Э.М. Жиликова. М., 2009.
30. *Русский архив.* 1885. № 7.
31. *Varnhagen von Ense K.A.* Tagebücher. Hamburg, 1865. Bd. 7.
32. Ланский Л. Из эпистолярного наследия декабристов: письма Н.И. Тургенева к В.А. Жуковскому // Вопр. литературы. 1975. № 11. С. 207–227.
33. *Русская литература на французском языке XVIII – XIX веков / вступ. ст. ; биограф. очерки и коммент. Ю.М. Лотмана и В.Ю. Розенцвейга.* Wien, 1994. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36).
34. «*Als Gruß* zu lesen». Russische Lyrik von 2000 bis 1800. Zürich: Dörlemann Verlag, 2012.

NATIONAL LITERATURE IN A FOREIGN LANGUAGE: V.A. ZHUKOVSKY'S CORPUS OF GERMAN SELF-TRANSLATIONS AND THEIR RECEPTION IN RUSSIA AND ABROAD

Nikonova Natalya E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Imagology and Comparative Studies, 2016, 1(5), pp. 103–127. DOI: 10.17223/24099554/5/7

Keywords: self-translation, V.A. Zhukovsky, Russian-German literary bilingualism.

This article was prepared with the support of RHSF (project № 16-04-50012) and Russian President Grant (MD-4756.2016.6).

In V.A. Zhukovsky's corpus of German self-translations one can trace some regularities and the creative evolution of their author. Firstly, almost in all blocks of the self-translation heritage created for Grand Duchess Aleksandra Fedorovna, for Goethe, his followers and contemporaries, as well as for a broad circle of German readers and "few" Russian-speaking friends abroad and in Russia, two sides connect in the self-positioning of the author: the poet allies with the court, the tutor of the royal family, and reflects on the fates of the Motherland and the West. Zhukovsky's transition from Russian to German is not connected with a fundamental change of his subjectification manner but seems a predictable step on the way of approaching the German world.

Secondly, like in the Russian-speaking heritage, in self-translations poetic texts and prose that appeared in the last years of Zhukovsky's creative work are separated. Chronologically poetic self-translations discovered for the moment begin and conclude with experiences in the genre of the ballad — from "Svetlana" and "Aeolian Harp" in 1818 to "Prisoner" in 1852 — and show the basis of Zhukovsky's creative life as well as reveal his creative credo. Published poems, particularly the collection *Easter Gift*, are the result of a conscious representative selection of poetic heritage pieces with a clear orientation on the final self-positioning. A different way of subjectification is typical for the last edition compiled by J. Kerner which included only "The Tale of Ivan Tsarevich and the Grey Wolf". The tale had to be perceived as a full statement addressed to the German reader who was interested in the experience of other nation's literature traditions. Zhukovsky's self-translated prose has an epic character, at that substantial questions about faith, world and man develop through the actual historical-cultural context and receive a corresponding response from contemporaries.

The female image becomes central in Zhukovsky's German poetry both in artistic embodiment and actual realization in the biographic context. The images of Svetlana and Minvana evolve in greatly theological images of the Angel and Madonna; and the majority of addressees are the dearest students and foster children of the poet — Masha's sister A.A. Protasova-Voeykova, Grand Duchess Alexandra Feodorovna, Countess Samoylova's niece O. Bobrinskaya, the wife of E. von Reutern, Grand Duchess Alexandra Nikolaevna. This leads to the conclusion of a special status or a special functional-semantic field of German language usage in Zhukovsky's poetic communication which is able to express appropriately the significant religious-philosophic concepts of his spiritual Romanticism and "esoteric love" as a model of creative life.

References

1. Volgina, A.S. (2005) Avtoperevody Iosifa Brodskogo i ikh vospriyatie v SShA i Velikobritanii 1972–2000 gg. [Self-translations of Joseph Brodsky and their reception in the US and Britain in 1972–2000]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Vyatkina, I.A. (2007) *Diglossiya russkikh marginal'nykh zhanrov (domashnyaya poeziya i epistolyariy V.A. Zhukovskogo)* [Diglossia of Russian marginal genres (poetry, epistolary works of V.A. Zhukovsky)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska P.A. Pletneva* [Works and correspondence of P.A. Pletnev]. Vol. 3. St. Petersburg.
4. *Russkiy bibliofil*. (1912). November-December. p. 20.
5. National Library of Russia. Fund 286. List 2. File 234.
6. Schorn, A. von. (1904) Briefe des Kanzlers Friedrich von Mueller an Wassily Andrejewitsch Joukovsky [Letters of Chancellor Friedrich von Mueller to Vasily Zhukovsky]. *Deutsche Rundschau*. Bd. 120.
7. Schorn, A. von. (1911) *Das nachklassische Weimar* [The post-classical Weimar]. Weimar.
8. Anderson, V.M. (1912) “Inoyazychnyy” Zhukovskiy [Zhukovsky in foreign languages]. *Russkiy bibliofil*. 7–8.
9. *Russkiy arkhiv*. (1872). 9–12.
10. Nikonova, N.E. (2015) V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
11. Gerhardt, D. (1970) Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs. Gorski vijenac [Own and translated German poems of Zhukovsky. The mountain wreath]. A Garland of essays offered to Prof. E.M. Hill. *Publications of the Modern Humanities Research Ass.* 2.
12. Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky as a teacher of Russian (the beginning of the “royal pedagogy”)]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Proceedings of the international conference dedicated to the 220th anniversary of V.A. Zhukovsky and the 200th anniversary of F.I. Tyutchev. Tartu. (In Russian).
13. Zhukovsky, V.A. (n.d.) *Tetrad' s tekstami dlya perevodov. Sostavlena dlya zan'yat'y s vel. kn. Aleksandroy Fedorovnoy* [A book with texts for translation. Compiled for classes with Grand Princess Alexandra Feodorovna]. National Library of Russia. Fund 286. List 1. Unit 96.
14. Zhukovsky, V.A. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Zhukovsky, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 12. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
16. Zhukovsky, V.A. (*Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Book 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in print).
17. Grumach, E. von. (ed.) (1956) *Unterhaltungen mit Goethe: kritische Ausgabe* [Conversations with Goethe: a critical edition]. Weimar: Böhlau.
18. Vinit'skiy, I. (2011) “Nemaya lyubov'” Zhukovskogo [The “Silent Love” of Zhukovsky]. In: *Pushkinskie chteniya v Tartu 5: Pushkinskaya epokha i russkiy literaturnyy kanon: K 85-letiyu Larisy Il'inichny Vol'pert: v 2 ch.* [Pushkin readings in Tartu 5: the Pushkin epoch and the Russian literary canon: On the 85th anniversary of Larissa Ilinichna Wolpert: in 2 pts]. Tartu.

19. Ostergabe für das Jahr 1850. Sechs Dichtungen Joukovsky's von einem seiner deutschen Freunde für die andern übersetzt [Easter gift of 1850, Six Seals of Zhukovsky translated by one of his German friends for other friends]. Karlsruhe, 1850.
20. Bremer, F. (1850) <Eine> Ostergabe [<An> Easter gift]. Leipzig [et al.]: Verl. Comptoir.
21. Göschel, C.F. (1850) *Zur Lehre von den letzten Dingen... eine Ostergabe* [On the Doctrine of the last things . . . An Easter gift]. Berlin: Brandis.
22. Anon. (c. 1850) <Der> Herr ist wahrhaftig auferstanden! Eine Ostergabe Rülmg [The> Lord is risen indeed! An Easter gift ruling]. Dresden: Naumann, [circa 1850].
23. Žukovskij, V.A. (1852) <Das> Märchen von Ivan Zarewitsch und dem grauen Wolf [The> Tale of Ivan Tsarevich and the Grey Wolf]. Stuttgart.
24. Nikonova, N.E., Kovalev, P.A. & Krupnitskaya, D.E. (2015) Three “Prisoners” of V.A. Zhukovsky: poetic auto-translation strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (34). pp. 138–153. DOI: 10.17223/19986645/34/11
25. <Zhukovskij, V.A.> (1848) Vom Main, den 27. August 1848 [From Main, 27 August 1848]. *Beilage zu 52 der Neuen Preußischen Zeitung*. 30 August.
26. <Zhukovskij, V.A.> (1850) Englische und russische Politik [English and Russian politics]. *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*. 92.
27. <Zhukovskij, V.A.> (1850) *Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat* [Joseph von Radowitz as known by his friends. Letter of non-Germans at home]. Karlsruhe: W. Kasper'sche Buchdruckerei.
28. *Russkij arkhiv*. (1909). 4.
29. Zhilyakova, E.M. (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy. 1813–1852* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina. 1813–1852]. Moscow: Znak.
30. *Russkij arkhiv*. (1885). 7.
31. Varnhagen von Ense, K.A. (1865) *Tagebücher* [Magazines]. Vol. 7. Hamburg.
32. Lanskiy, L. (1975) Iz epistoljarnogo naslediya dekabristov: pis'ma N.I. Turgenjeva k V.A. Zhukovskomu [From the epistolary heritage of the Decembrists: Letters of N.I. Turgenev to V.A. Zhukovsky]. *Voprosy literatury*. 11. pp. 207-227.
33. Lotman, Yu.M. & Rozentsveyg, V.Yu. (1994) *Russkaya literatura na frantsuzskom yazyke XVIII – XIX vekov* [Russian literature in French in the 18th – 19th centuries]. Wien. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36).
34. Ingold, F.P. (2012) “Als Gruß zu lesen”. *Russische Lyrik von 2000 bis 1800* [“To read as greeting”. Russian poetry from 2000 to 1800]. Zürich: Dörlemann Verlag.